

Звезды
новой
Фэнтези

КОРОНА
ЗА ХОЛОДНОЕ СЕРЕБРО

КЛИНОК
ИЗ ЧЕРНОЙ СТАЛИ

ПЕПЕЛ
КРОВАВОЙ ВОЙНЫ

АЛЕКС МАРШАЛ

ПЕГЕЛ
КРОВАВОЙ
ВОЙНЫ

• БАГРЯНАЯ ИМПЕРИЯ •

КНИГА 3

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
М 30

Alex Marshall
A WAR IN CRIMSON EMBERS
Copyright © 2017 by Alex Marshall
All rights reserved

This edition published by arrangement with The Cooke Agency,
The Cooke Agency International and Synopsis Literary Agency.
Originally published in English by Orbit Books.

Перевод с английского Сергея Удалина

Серийное оформление Виктории Манацковой

Оформление обложки Владимира Гусакова

ISBN 978-5-389-15051-5

© С. Б. Удалин, перевод, 2019
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

Посвящается Шандре

море
Призраков

Хвабун

Отеан

НЕПРОЧНЫЕ ОСТРОВА

Линксенхерн

Горький залив

протока

горы

Ноттап

Курск

Леми

Эйвинд

Коксар

Тао

река

Хортическ

БАГРЯНАЯ

ИМПЕРИЯ

Асва

Змениое

Катели

Мыюра

Катели

Найлс

УСБА

Трве

Золотой Котел

АЗГАРОТ

УГРАКАР Харапок

РАНИПУТРИЙСКИЕ
ДОМИНИОНЫ

Зигнема

Тхантифакс

Медовые Глубины

Кравяд

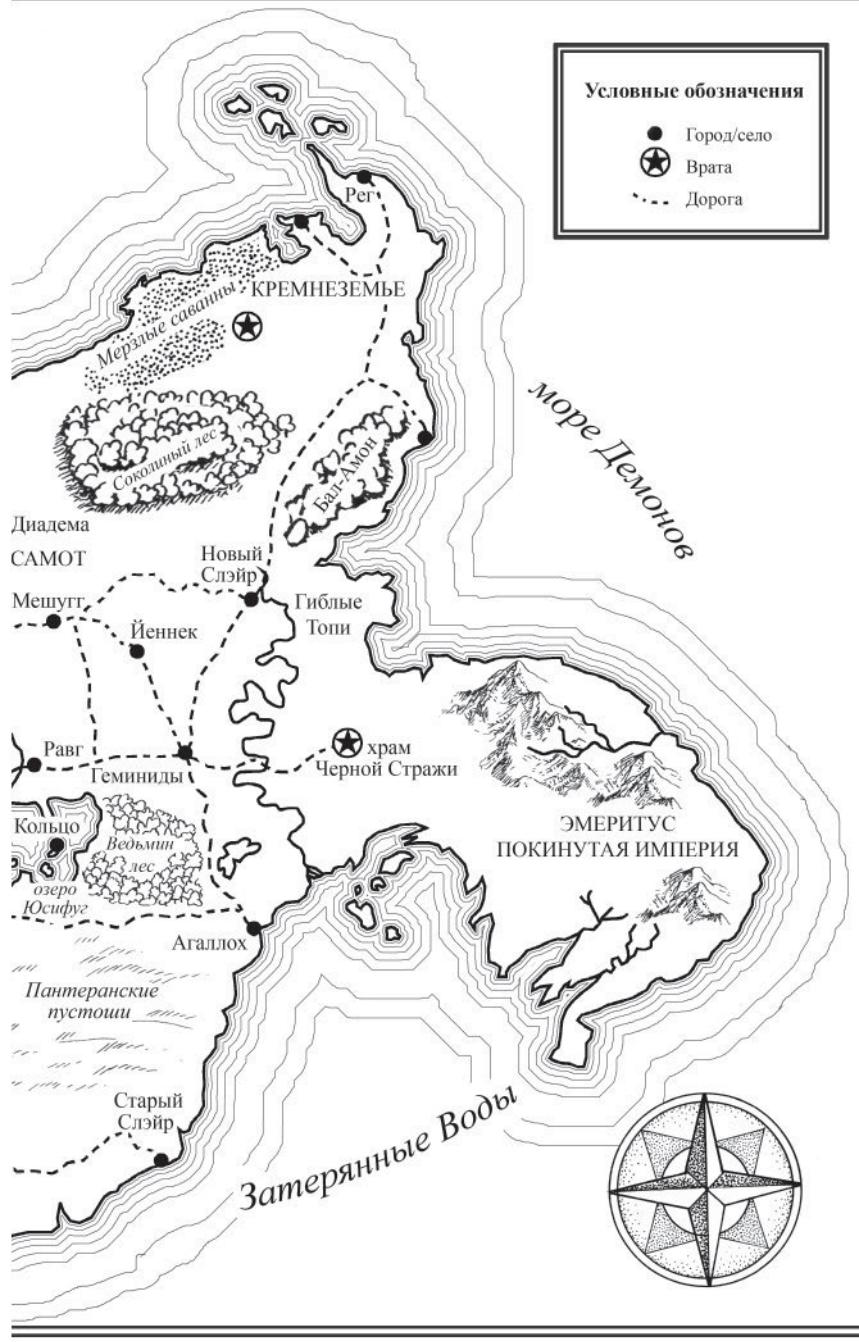
Язык Жаворонка

реки

Красный

Условные обозначения

- Город/село
- Врата
- Дорога

ЧАСТЬ I

**ПУТЫ
СМЕРТНЫХ**

Я тучи хотел разогнать,
Чтобы мирное время увидеть,
Но одряхлел быстрый конь,
Отточенный меч проржавел;
Качаю седой головой,
И не сдержать мне досады.

*Пак Хё Иван (1781–1880),
из «Книги корейской поэзии сиджо»
под редакцией Кевина О'Рурка*

Глава 1

Рожденная на гибнущей Звезде, где насилие и продажность вплелись в саму ткань мира, папесса И'Хома достигла совершеннолетия в самый мрачный период за всю историю. Вытерпев череду злодейств, став свидетельницей тягчайших грехов, в свои шестнадцать лет она готова была спасти людские души, пожертвовать всем, что было дорого для нее, — своим саном, империей, а если понадобится, то и жизнью. Когда ее праведный флот отплывал из пролива Скорби, в чугунном небе над вершинами полыхало зарево, исполняя еще одно пророчество из гимнов Цепи. В отсутствие Черной Папессы некому было сдерживать огонь, тлеющий в преисподней от Века Чудес, и Диадема запылала, как и было предсказано... Впрочем, И'Хома узнала об этом намного позже, ведь она была слишком занята, чтобы оглядываться назад.

Она не мигая всматривалась в туманный серый горизонт, за которым лежала земля — ее земля по праву рождения: Возрожденное королевство Джекс-Тот. Поднятое ее ритуалами со дна моря и теперь терпеливо дожидающееся прибытия своей Хранительницы.

Уже на самом пороге спасения у цепистских паломников возникла последняя трудность, но И'Хома устрашилась блокады пролива не больше, чем следующих за ее галеоном акул. Как стая морских бирюков, поднявшись из глубин, лакомится этими падальщицами, так и имперский флот мог бы справиться с кораблями непорочных, если бы те решились на активные действия. Из-за встречного ветра обмен сигналами между галеоном

И'Хомы и ближайшим кораблем-черепахой непорочных получился коротким, и цеписты, не поддавшись на уловки островитян, проскользнули мимо них без единого выстрела.

— Они не были готовы встретить такой сильный флот, — сказал кардинал Аудумбла, когда блокада осталась далеко позади.

— И такую сильную веру, — добавила кардинал Мессалина.

— Они вообще не были готовы к встрече с нами, — заключил кардинал Даймонд. — Судя по тому, как расставлены корабли, им приказано следить за теми, кто покидает Джекс-Тот, а не препятствовать тем, кто подплывает к нему.

— Их побуждения заботят меня ничуть не больше, чем копошение вшей на шкуре подыхающей обезьяны, — заявила И'Хома. — Каковы бы ни были причины их трусости, они добились лишь кратковременной отсрочки — волны крови скоро захлестнут берега Отеана, как и любого другого погрязшего в грехах уголка Звезды.

Кардинал Даймонд откашлялся.

— При всем надлежащем уважении к заверениям вашей всемилости, флот непорочных находится в непосредственной близости от берега, и мы должны учитывать возможность того, что они уже высадились и...

— Они не высадились, — сказала И'Хома, и на этом разговор оборвался.

Пока весь святой престол нервно хмурил брови, полагая, что непорочные могли вторгнуться в Возрожденное королевство задолго до прибытия имперских кораблей, их верховный пастырь не сомневалась, что чужеземные еретики не посмеют ступить на эти священные берега. И'Хоме самой Падшой Матерью предопределено первой войти в Сад Звезды, и ни один смертный, ни один демон не помешает ей выполнить свое предназначение. Она выпустит ангельскую стаю Всематери, чтобы очистить мир и посрамить Обманщика раз и навсегда, а потом воспарит над смертной плотью и будет вечно править здесь как воплощение Падшой Матери. И'Хома в гордой добродетели воссядет на свой пылающий трон, чтобы, словно маяк, затмевающий и солнце, и луну, созывать домой все праведные души, покинувшие Звезду.

О, с какой исступленной дрожью И'Хома в первый раз разглядывала в капитанскую подзорную трубу святую землю! Она была именно такой, какой виделась во Вратах Диадемы в День Становления, — роскошное зеленое царство словно изумруд на сверкающем синем шелке моря. Закусив губу, папесса смотрела на горы, за которыми скрывались построенные в незапамятные времена города Джекс-Тота, где скоро найдут пристанище беглецы из гибнущего мира. Где обитают ангелы, которым нужна смертная повелительница; где ждет армия, которой необходим полководец.

Когда капитан трясущимися руками снова подал трубу И'Хоме, она, взволнованная всеми этими мыслями, узрела нечто еще более грандиозное: ей открылся вид на древнюю гавань Алуна. И какой вид! Только Вороненая Цепь сохранила с Века Чудес карты Джекс-Тота, но, хотя эти реликвии точно направили цепистов к цели, никакие значки не могли передать все величие здешних мест. Зеленая листва пробивалась сквозь застывший водопад из камня цвета слоновой кости, что разбегался по всей кромке бухты веером причалов. И'Хома заметила, что оружения сильно повреждены, но не полностью разрушены, и кивнула, признавая мудрость Падшей Матери. Сад Звезды во все не был нетронутым раем, где праздные могли собирать те же плоды, что и усердные, а местом, предназначенным для достойных душ, что готовы потрудиться ради его восстановления.

Ангелы в черных доспехах расселись на крышах и пристанях, четко выделяясь на фоне бледных камней города, который они охраняли пятьсот лет, ожидая прибытия Черной Папессы. И'Хома вернула подзорную трубу дрожавшему рядом с ней капитану. «Что ж, наверное, это правильно, когда бренное трепещет перед божественным, воздавая должное истинному могуществу», — подумала она, выпрямившись на своем тиковом троне на носу корабля. Но даже сейчас, когда мир смертных остался за спиной, а впереди сверкает в солнечных лучах бессмертное величие, та боль, что угнездилась в сердце И'Хомы еще со Дня Становления, продолжала крепнуть. Таким было ее последнее искушение — скорбь из-за стремительного помешательства дяди и нечестивые надежды, что вылуплялись, подобно личинкам, из этой скорби. И то, как страстно она желала, чтобы он излечился и чтобы ра-

зум вернулся к нему, шло вразрез с самым дорогим для нее — с верой в Падшую Матерь, способную помочь лишь тому, кто сам хочет помочь себе. Шанату был слишком далек от этого.

— Умоляю, умоляю, умоляю... — бормотал он, скорчившись на палубе у нее за спиной.

Но И'Хома не отрывала взгляда от приближавшейся гавани. Не хватало еще, чтобы охранники увидели слезы в ее глазах.

А некогда блестательный учитель снова и снова разбивал ее сердце своими безумными причитаниями:

— Я ошибся... Мы все ошиблись... Не ходи туда, вернись назад... Назад... Это очередная уловка Обманщика, еще одна ловушка... Они — не ангелы, а самые настоящие демоны, и они уничтожат Звезду! Джирелла, умоляю тебя, остановись, ты должна остановиться...

— Заткните ему рот! — бросила через плечо И'Хома.

То, что Шанату назвал ее мирским, а не папским именем — слишком вопиющее святотатство даже для приговоренного отступника, имеющего право на последнее слово. Как низко он пал! Все годы ее правления был рядом, помогая и воодушевляя. С тех пор как по условиям перемирия с королевой Индсорит Шанату был вынужден покинуть святой престол, его советы значили для И'Хомы больше, чем мнение всех остальных собратьев, вместе взятых. Кто мог понять всю тяжесть бремени pontифика лучше, чем ее предшественник? Он прослужил голосом Падшой Матери дольше, чем прожила И'Хома, и его отречение — не более чем стратегический ход... Спасительница продолжала говорить с дядей, тогда как И'Хома лишь изредка улавливала ее шепот, в ходе самых напряженных ритуалов, и целиком полагалась на дядю в истолковании воли Всематери.

Потом наступил День Становления, когда преданные слуги Падшой Матери заглянули в окно, открывшиеся во Вратах Диадемы, и узрели Сад Звезды и его ангельское воинство. Все те, чьи глаза были затуманены Обманщиком, отшатнулись и помрачились рассудком от этой картины благодатного совершенства. Это было настоящее испытание и для самой И'Хомы, но Падшая Матерь защитила ее и призвала к себе.

Жалость — это тяжкий грех, а милосердие и того хуже, но все же, когда пришла пора, она не смогла обречь Шанату на муки,

доставшиеся другим ложным священнослужителям. «Конечно же, тот, кто сидел у ног самой Падшей Матери, еще может быть спасен, — убеждала она себя. — Конечно же, одного взгляда на Джекс-Тот хватит, чтобы вернуть разум верному слуге Всематери, посвятившему всю свою жизнь возрождению Сада Звезды».

Смертным свойственна подобная самоуверенность. Папесса И'Хома взглянула на бушприт с причудливой резьбой, и в тот момент, когда ее армада уже подплывала к прекрасной белой гавани Джекс-Тота, а собравшиеся на берегу черные ангелы трубами возвещали о ее прибытии, она отдала самый трудный приказ за все время ее папства:

— Распните моего дядю на мачте, но прежде отрежьте ему язык. Наши спасители не должны увидеть среди нас ни одного отступника.

Кок только эти слова слетели с потрескавшихся от соленого ветра губ И'Хомы, на душе у нее стало легче, и отказ от последней привязанности к обманчивому телесному миру немедленно вызвал отклик с берегов Джекс-Тота. Огромные существа цвета слоновой кости выплыли из бледно-голубой бухты, чтобы поприветствовать ее флот. Эти левиафаны тащили за собой листья размером с корабль цепистов, а гораздо меньшие крылатые создания такого же окраса слетели с мыса, окаймлявшего гавань. На глаза И'Хомы навернулись слезы при виде детей Падшей Матери, выросших из семени Обманщика чудовищами, но все же призванных сыграть не менее священную роль, чем сама Черная Папесса. Наконец-то Пастьрица Заблудших вернулась домой. Она вручит ключи от Звезды небесным воинам, и те отправятся очищать мир от греха.

Позади И'Хомы раздался стук молотка и приглушенные крики, но уже ничто не могло нарушить торжественность момента.

Глава 2

За долгие годы София видела множество ночных кошмаров и пробивалась через них с боем не реже, чем наяву. Но все же ей никогда не приходилось переживать такого странного совпадения, не случалось очнуться от дурного сна на том же месте, где заканчивался его сюжет. Свернувшись калачиком на треклятом троне.

Она поерзала на слишком знакомом сиденье, укрыла шею холодным от талого снега меховым воротником и еще плотней зажмурила глаза, защищаясь от демонски яркого солнца, словно решившего прожечь дорогу в ее затуманенную голову. Так уж ей всегда везет. В прежние кровавые времена случалось радоваться темным тучам, вечно висевшим, словно свинцовый ореол, над Черными Каскадами, к которым София подбиралась, чтобы сжечь там все дотла.

Мордолиз зевнул с обычным поскуливанием, сообщая о наступлении утра, но она продолжала цепляться за сонную вялость, отчаянно пытаясь задержаться в ней подольше. Демон принялся шастать туда-сюда, и София представила, что его когти стучат по сосновым половицам ее старенькой кухни, а не по обсидиановым плитам тронного зала. По-настоящему счастлива она была только в эти минуты между сном и пробуждением. Вот бы и теперь поспать подольше в таких знакомых фантазиях, а когда проснется, Лейб нежно погладит ее по голове и потребует шепотом, чтобы она пообещала приготовить яблочные лепешки за то, что он не станет ее тревожить. А солнце к тому времени наполовину встанет над осинами...

Сон омрачился, как всегда. Она приготовила мужу его любимое лакомство, но тому не суждено было позавтракать им. Молодой монстр в образе рыцаря положил отрубленную голову Лейба на клетчатую скатерть, а сам попытался, как это мог бы сделать Лейб, дотянуться языком до тарелки, но сумел слизнуть лишь несколько крошек...

Нет. София отгородилась от этого видения, постаралась скрыться от обжигающего ужаса в холодной темной пустоте. Рассвет уже подкрался к оправе Диадемы, пока София клевала носом, и если она сумеет устроиться поудобней на созданном прирожденным истязателем троне, прежде чем совесть окончательно проснется и вонзит в нее зубы, то урвет еще несколько мгновений столь необходимого отдыха и... и...

И теперь уже поздно засыпать снова. Воспоминание о найденной в подземелье Индсорит мучило сильней, чем яркий солнечный свет или кошмар. Даже в полусонном состоянии София поняла, насколько глупой и безнадежной была ее последняя затея: принести умирающую королеву сюда, к самой вершине замка, и потратить всю ночь на попытки напоить ее соком и промыть раны, когда с самого начала было ясно, что Индсорит ушла слишком далеко и не сможет вернуться. Как бы жестоко ни обошлась Вороненая Цепь со своей конкуренткой в борьбе за власть над Багряной империей, именно София причинила ей последние страдания. Вряд ли Индсорит осознавала, что с ней происходит, но ее стоны и тяжелое дыхание были самым естественным ответом на эту худшую из провокаций.

И ради чего? Чтобы облегчить свою совесть, чтобы сказать, что сделала все возможное, когда намного гуманней было бы оставить Индсорит наедине с ее мучениями в камере, где София ее нашла. Но нет, она, как и всегда, внезапно загорелась надеждой все исправить. И даже не замечала, что делает только хуже, пока не стало слишком поздно. Индсорит просто еще одна жертва приступа оптимизма Софии, но, во имя всех демонов Изнанчальной Тьмы, она будет последней — сегодня Холодный Король отбросит глупые надежды и станет... ну да, безнадежной.

— Ты сидишь на моем месте.

Солнце, настойчиво слепившее глаза, взяло передышку, и София рассмотрела стоявшую перед ней Индсорит. Обнаженная,

если не считать повязок, молодая женщина пошатнулась, и София едва успела спрыгнуть с трона и подхватить ее. Кожа уже не была такой горячей, как вчера вечером, и на пепельное лицо вернулись живые краски, но совершенно непонятно, как Индсорит удалось сесть на кровати, не говоря уже о том, чтобы пересечь весь зал.

Она задрожала на руках у Софии и снова потеряла сознание. Мордолиз весело прыгал под ногами, пока София тащила багряную королеву обратно в спальню, восхищаясь стойкостью этой девочки. У кого другого хватило бы воли хотя бы мечтать о том, чтобы выжить с такими ранами?

Впрочем, София уже знала ответ, потому что сама бывала в похожем состоянии. Если страстно хочешь отомстить, можно выкарабкаться откуда угодно.

— София...

Это больше напоминало вздох, чем обращение. София обернула Индсорит камчатым одеялом. Нефритовые глаза королевы оставались полузакрытыми, но, по крайней мере, больше не затачивались.

— Ты... в самом деле пришла.

— Конечно пришла, — сказала София, и Мордолиз благородно удержался от протестующего фырканья.

Или он был слишком занят, любуясь охватившим Софию смущением. Она погладила Индсорит по плечу:

— Надеюсь, ты побудешь еще немного в сознании, пока я приготовлю мой знаменитый на всю Звезду бальзам?

Индсорит поморщилась, а София выдавила улыбку:

— Раз уж у тебя хватило сил, чтобы напугать меня до полусмерти, поднявшись с постели, значит, демоны тебя подери, сможешь и принять лекарство.

София собиралась безотлагательно провести разведку и узнать, что за адское действие так вовремя произошло в Диадеме. Трудно сказать, что ее больше тревожило — беспорядки на улицах или наглухо закрытый опустевший замок. Хортрэп уверял, чтоозвращение Джекс-Тота означает смертельную угрозу для всей Звезды, но не сказал, как именно это произойдет. Не является ли то, что творится сейчас в столице империи, началом конца? И нужно еще выяснить, почему до сих пор не прибыла Чи Хён

с Кобальтовым отрядом. По плану они уже должны были пройти через Врата и захватить этот самый замок. София весьма сомневалась, что они тоже проспали.

Но все это подождет. София вовсе не собирается в одиночку спасать Звезду, зато может позаботиться об израненной женщины. Но сначала нужно позаботиться о себе: посидеть на королевском ночном горшке, найти в кухне для прислуги бобы калди, быстренько приготовить завтрак из фундука, фиников и всего прочего, что окажется под рукой, и забрать удобную накидку из шкуры морского бирюка, оставленную на багряном престоле. Именно в таком порядке.

Управившись с делами, она подняла забытую накидку с ручки огненно-хрустального трона и тут же скривила губы в усмешке, увидев, как Мордолиз справляется нужду под Ониксовой Кафедрой. Какая же все-таки нелепая образина! Неудивительно, что они так спелись.

К тому времени, когда она вернулась, разожгла огонь в камине и приготовила еще одну порцию отвара, Индсорит снова задремала. София села рядом на кровать, Индсорит пришла в себя, покорно подняла голову и хлебнула горячего напитка. Она посмотрела поверх чаши на свою спасительницу, и София не отвела взгляда. Две женщины не виделись больше двадцати лет. В их последнюю встречу Индсорит была почти ребенком, а теперь ей нет и сорока, но тяжесть короны преждевременно состарила ее. Равно как и то пока неизвестное время, что она провела в темнице. Все эти годы Индсорит оставалась для Софии прыщавой девчонкой с пустой головой на худеньких плечах, и вдруг оказалось, что она взрослая женщина и очень сильная при этом. Но ведь и Индсорит представляла себе Софию, какой та была в молодые годы, а не потрепанной пожилой вдовой с печальными глазами.

— Что происходит? — спросила Индсорит, откинувшись на подушки.

На потрескавшихся губах заиграли отсветы камина.

— Хотела спросить тебя о том же. — София поставила чашу на стол и погрозила пальцем Мордолизу, собравшемуся запрыгнуть к ней на кровать. — Сколько времени тебя там продержали? И куда все подевались?

Индсорит покачала головой так слабо, что длинные медные пряди даже не прошуршили по подушке. Ее взгляд упал на искореженную корону, которую София положила рядом с собой.

— Я не... Меня отравили. Потом был этот ритуал, но... — Индсорит прикрыла глаза, а когда снова посмотрела на Софию, той захотелось тайком ускользнуть из спальни. — Равнины Ведьмолова. Ты ведь была там вместе с кобальтовыми?

— До вчерашнего вечера, — ответила София.

Обессиленная Индсорит, похоже, не заметила ничего странного в ее словах, несмотря на разделявшее эти два места огромное расстояние.

— Пятнадцатый полк настиг вас. Тогда-то И'Хома и схватила меня... А потом — ритуал и Врата... Твари по ту сторону Врат... Они идут сюда... Идут...

— Кто идет?

Софии нелегко было испугать, она и не испугалась, но волосы на голове встали дыбом.

— Это конец... конец света наступил...

Индсорит снова затихла, веки ее задрожали, и, как бы ни жаждала София услышать что-то еще, она поняла: этой женщине отдых необходим больше, чем ее спасительнице — ответы. Она уже поднималась с кровати, когда Индсорит простонала, как будто слова причиняли ей боль:

— Не уходи!

— Я ненадолго. И Мордик останется охранять тебя, так что...

— Прошу тебя...

Индсорит еще сильней зажмурила ввалившиеся глаза, чтобы сдержать набухающие слезы. Крушение всей Звезды вот-вот с грохотом начнется прямо отсюда, из столицы, но багряная королева желает, чтобы София осталась нянчиться с ней?

— Конечно... ваше величество, — пробормотала София, снова усаживаясь рядом с дрожащей Индсорит.

Облегчение на покрытом синяками и коростой лице было настолько искренним, что у Софии защипало глаза. Уже так давно никто не полагался на ее заботу, что она замерла в растерянности с поднятой рукой. Эта рука оставалась тверда в самых опасных и отчаянных схватках, но сейчас она задрожала... и София

сумела унять дрожь лишь после того, как, повинувшись внезапному порыву, нежно погладила несчастную женщину по голове.

Тримаса боли исчезла с лица Индсорит, дыхание успокоилось, и София неожиданно для себя затянула квелертакскую народную песню, которую вполголоса мурлыкала заболевшему Лейбу... Единственный раз, когда он добился, чтобы она пела тише, обычно же Софию совершенно не заботило, как звучит ее голос.

От этих воспоминаний мелодия едва не оборвалась, но София не поддалась тоске и не умолкла, а лишь крепче вцепилась в слова старинной песни. Она продолжала петь для королевы гибнущей империи, для женщины, что спала в могильной тишине замка Диадемы, а демон у ног отбивал хвостом ритм. Так они и ждали — либо конца света, либо Кобальтового отряда с Чи Хён во главе.

Глава 3

Возможно, это было самое прекрасное утро в жизни Доминго Хьортта. Внезапный переход через Врата Отеана, откусившего за яйца мороза к благословенному теплу, подготовил начало великого дела, а пламенный букет озаренных рассветным солнцем облаков над золотыми крышами императорского дворца придавал картине не меньшую живописность, чем акварельные декорации в театре свояченицы Люпитетры. Однако у Доминго перехватило дыхание вовсе не из-за этого сочетания приятной погоды, впечатляющей архитектуры и достойной лучших gobelenов сцены восхода, а из-за армии, что выстроилась между храмом Пентаклей, откуда полковник только что выехал, и далекой городской стеной. Армии, о какой Доминго не осмеливался мечтать даже в самых головокружительных фантазиях.

Легионы стояли, выстроенные как по нитке, пообочь терракотовой дороги, что вела от храма прямо к дворцу, и полковник мог бы поклясться саблей своей покойной матери, что это впечатляющее зрелище. Он никогда не одобрял патину на доспехах непорочных, считая ее признаком разложения, — ленивые солдаты не заботятся о своей амуниции, а безвольные командиры не способны их заставить. Но сейчас, глядя на тронутые зеленью наплечники и нагрудники, он видел совсем другое — великолепную изумрудную броню, которая не поблекнет летом и не потрескается зимой.

А какой строй! Доминго гордился своим лучшим в Багряной империи полком и содержал его в образцовом порядке, но сейчас у него хватило мужества признаться в том, что его превзо-

шли. С задка фургона, подпрыгивающего на ступеньках храма, он хорошо видел малахитовые фаланги непорочных и мог с уверенностью сказать, что не только передние шеренги в них идеально ровны, но и все остальные. Как минимум по пятнадцать тысяч солдат с обеих сторон дороги, и все они словно отлиты по одному образцу, в одной форме. И ни малейшего шевеления! Восхитительно.

На полпути между храмом и дворцом установлена платформа, к ней ведут длинные ступени, а на самом верху — разряженная курица, вероятно императрица Непорочных островов. Но Доминго едва удостоил ее взглядом и снова сосредоточил внимание на солдатах.

Оказавшись прямо перед этой женщиной, он вдруг ощущил неуместные, но явственные уколы совести за то, что убил ее сына перед началом кампании против нового Кобальтового отряда. Однако ни одна война не обходится без жертв, и, демоны его подери, это был мастерский ход — свалить на кобальтовых вину за убийство принца Бён Гу, пусть он и оказался излишним. Сыновья погибли у них обоих, и если Доминго смирился с этим, то почему бы императрице Рюки не поступить так же? И должно быть, она действительно подписала соглашение о перемирии с генералом Чи Хён.

Это еще одно отличие между благородством азгаротийцев и коварством непорочных. Какие бы чудища из Джекс-Тота ни угрожали родине Доминго, он скорее отрезал бы себе мушонку, чем пошел на мировую с женщиной, убившей его сына. Правда, он разоткровенничался с Софией, но с той лишь целью, чтобы внушить ей иллюзию безопасности. И при первой же возможности отплатит стократ и даже больше.

Телеги последними прошли сквозь Врата Языка Жаворонка, так что Доминго остановился в самом хвосте колонны кобальтовых, зажатой с обеих сторон рядами непорочных. Офицеры Кобальтового отряда тоже здесь, сбоку от огромного помоста, установленного прямо перед храмом. И значит, где бы ни вышла Чи Хён со своим никчемным папашей, младшие командиры окажутся позади нее. Разве это не любимая забава непорочных — мериться, у кого пиписька длиннее?

Ага, вот и знакомые лица, но не из самых приятных. Феннек стоял так близко, что Доминго мог бы доплюнуть до собранных в хвостик волос усбансского Негодяя, если бы во рту не пересохло еще в самом начале перехода. Рядом — та самая однорогая анафема, что помогла Марото натравить гигантских волков на лагерь имперцев в Кутумбанских горах... Одна из тех, по чьей вине искалеченный тварями Доминго продолжил поход, лежа в фургоне. На самом деле именно это нападение заставило полковника пойти на компромисс и разрешить брату Вану провести ритуал перед сражением у Языка Жаворонка. Доминго тут же забыл о неумехе Феннеке и решил, что, как только наберет достаточно слюны, плонет в ведьморожденную.

Сев, он наконец понял, что смутно беспокоило его с того момента, как повозка запрыгала по ступеням храма. Полковник больше не чувствовал боли, поворачивая голову, или, как он тут же выяснил, распрямляя покалеченную спину, или растягивая в довольной улыбке шрам на щеке. Доминго медленно согнул заключенную в лубок руку. К запястью, еще пять минут назад казавшемуся таким же разбитым, как и сердце, хоть и не вернулась прежняя свобода движений, но оно совершенно определенно перестало болеть. Может быть, это Хортрэп наколдовал? Доминго не верил в чудеса, независимо от их источника, но по такому случаю готов был сделать исключение.

Увы, воодушевление длилось недолго: он попытался шевельнуть левой ногой и чуть не взвыл от боли, но так и не заставил проклятое бедро подчиниться. Нога оставалась дряблой и неподвижной, и внутри у Доминго все закипело от разочарования. Конечно, хорошо, что он теперь избавлен от мучений, но много ли в этом проку, если нельзя встать и вышибить кое-кому зубы?

Вероятно, пока он выяснял степень своего нежданного выздоровления, Чи Хён успела выйти из Врат. Доминго слышал голос генерала, но не видел ее. Оглядевшись по сторонам с задка фургона, он заметил, что двери храма, ведущие в пустоту Врат Отеана, все еще открыты. Но многоярусная сцена впереди оставалась вне видимости. Чи Хён стояла где-то рядом, у подножия этой громадины, а императрица наверняка хмуро смотрела с высоты, когда отвечала генералу кобальтовых. Доминго считал особым достоинством то, что не говорил на высоком непорочнов-

ском, так что этот разговор ничего для него не значил... пока полковник не уловил угрожающие интонации, понятные всем без исключения.

Доминго не видел говоривших и не мог толком расслышать слова, так что ему оставалось лишь догадываться, чем вызван гневный тон императрицы. Может быть, генерал Чи Хён недостаточно низко ей поклонилась? Как это похоже на проклятых непорочных: сначала воспользоваться темным колдовством, чтобы заключить союз против орды демонов из Затонувшего королевства, а потом поссориться из-за этикета. Доминго окликнул Феннека, собираясь спросить, не стоит ли подняться наверх, чтобы хорошенько отшлепать императрицу и научить ее хорошим манерам, но ему помешал донесшийся от платформы крик, за которым последовал протяжный свист десятков стрел, выпущенных одновременно.

Крик оборвался, как обычно бывает, когда стрелы попадают в цель.

— Нет! Нет!..

Феннек пошатнулся и ухватился за фургон. Вероятно, ему было видно, что происходит. В следующий миг удивление от того, какой оборот приняли переговоры, сменилось пугающей пустотой в груди полковника. Усбандский Негодяй рванулся к боковой стороне платформы, вытаскивая на бегу меч. Чем бы ни закончилась его атака, это все равно будет означать полную катастрофу.

— Нет!

Однорогая ведьморожденная бросилась следом, но двигалась намного быстрей, и в ее голой ладони меч оказался раньше, чем в кожаной перчатке Негодяя... и вернулся в ножны так стремительно, что Доминго усомнился бы, появлялся ли он вообще, если бы не видел, как анафема ударила его навершием по затылку Феннека.

Указ королевы Индсорит о доукомплектовании каждого имперского полка цепистскими ведьмами был главной причиной, по которой Доминго подал в отставку. Он предпочел уйти с военной службы, лишь бы только не связываться с анафемами. Но сейчас, увидев, насколько легко расправилась ведьморожденная с таким бывалым бойцом, как Феннек, поневоле при-

знал, что эти создания способны приносить пользу. Усбанский Негодяй рухнул не пикнув, и это еще один плюс анафеме — оглушить противника рукоятью меча не так просто, как кажется, и мало кому это удается с первого раза. Ведьморожденная подхватила Феннека, не дав ему упасть на рыжую гравийную дорожку, и перебросила через плечо, хотя сама была намного ниже ростом.

У входа в храм поднялся переполох. Доминго успел заметить, как генерал Чи Хён проскользнула внутрь и помчалась прямо к Вратам. Это более чем неожиданно и...

Он вздрогнул, когда что-то тяжелое плюхнулось рядом с ним на устланное сеном дно фургона. Это оказался Феннек, с нависшей над ним седоволосой анафемой. Та набросилась на Доминго с быстротой акулы, охотящейся на мелководье, обнажив такие же острые, как у акулы, зубы.

— Доминго Хьортт, барон Кокспара и командир Пятнадцатого полка, — сказала она на багряноимперском, — дайте клятву подтвердить то, что сейчас услышите от меня, или умрете на месте. — Доминго не успел даже возмутиться, как анафема добавила: — Меня зовут Чхве, и я ваш телохранитель. Не приставленный кобальтовыми охранник, а имперский охранник, обязанный защищать и помогать. Генерал Чи Хён разрешила мне остаться с вами, учитывая ваши ранения. Я ваш телохранитель. Поклянитесь, что это так.

— Впервые слышу, — выдавил Доминго, в равной степени раздраженный как близостью клыкастой пасти, так и вполне человеческим запахом калди, исходящим из нее. — Что вообще тут тво...

— Я сгрызу до костей мясо с вашего лица, — прорычала красноглазая ведьморожденная. — Или подберусь к императрице Рюки и отомщу за друзей. Только вы можете решить, какой дорогой мне идти, Доминго Хьортт, барон Кокспара. Императрица захочет допросить пленного имперского полковника. Имперского полковника должен сопровождать телохранитель, это вопрос чести. Телохранитель всегда должен быть рядом с ним — поддерживать его и переводить все, что ему скажут. Имперский полковник будет настаивать на этом, или я сгрызу до костей мясо с лица имперского полковника. Ну же, поклянитесь.

— Я... — В пасти не хватало клыков, но оставшихся было вполне достаточно, и, не дожидаясь, когда ему откусят нос, полковник продолжил: — Я клянусь, демоны тебя подери, клянусь! Ты Чхве, мой телохранитель. Клянусь честью.

— Честью — это хорошо.

Чхве выпрямилась и напустила на себя вид полнейшего равнодушия. Доминго чувствовал, что понимает в происходящем не больше, чем лежащий рядом без сознания Фенек.

— Мы оба проиграли сегодня, Доминго Хьортт, барон Кокспара. Но вместе можем все исправить.

Кобальтовые вокруг заволновались, чего и следовало ожидать после бегства их генерала через Врата Отеана, но Доминго не мог следить за ними так же, как за внезапно заплакавшей ведьмороажденной, что не сводила красных глаз с императрицы Непорочных островов. Доминго задумался, было ли его решение вступить в сговор с Черной Папессой, чтобы отомстить за смерть Эфрайна, таким же оправданным... и таким же обреченным? Чхве радуется этой сделке ничуть не больше, вынужденно признал он, но разве жажда мести не приводит порой к самым диковинным союзам?

Оглавление

Часть I ПУТЫ СМЕРТНЫХ	9
Часть II СВОБОДА АДА	247

Маршалл А.

М 30 Багряная империя. Книга 3 : Пепел кровавой войны : роман / Алекс Маршалл ; пер. с англ. С. Удалина. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 608 с. — (Звезды новой фэнтези).

ISBN 978-5-389-15051-5

Путь возмездия привел Поверженную Королеву к катастрофе: геройческая репутация разорвана в клочья, союзники рассеяны по всей Звезде, мир на грани гибели.

Генерал Чи Хён канула в Изначальную Тьму. Ее возлюбленный, варвар по имени Мрачный, вынужден выполнять зловещие повеления умершей богини. Другой варвар, Могучий Марото, в плену у демонов, готовых вторгнуться в Багряную империю, и только Пурна, его воспитанница и подруга, верит, что есть шанс его освободить.

Софии Холодный Кобальт ничего не остается, как собрать старых товарищей по оружию и дать битву заклятым врагам. Великая эта битва останется в бесчисленных песнях и легендах... при условии, что кому-нибудь удастся ее пережить.

Впервые на русском!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

АЛЕКС МАРШАЛЛ

БАГРЯНАЯ ИМПЕРИЯ

Книга 3

ПЕПЕЛ КРОВАВОЙ ВОЙНЫ

Ответственный редактор Геннадий Корчагин

Художественный редактор Владимир Гусаков

Технический редактор Татьяна Раткевич

Компьютерная верстка Ирины Варламовой

Корректоры Светлана Федорова, Ирина Киселева

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 21.12.2018. Формат издания 60 × 90 $\frac{1}{16}$.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 38. Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-ZNF-23426-01-R

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В МОСКВЕ

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,
факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;
info@azbooka-m.ru

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,
факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В КИЕВЕ

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01
e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru
www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей
и творческого сотрудничества
размещена по адресу:
www.azbooka.ru/new_authors/